

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ

Вилли был активист по натуре. Он, как член партии, свято верил в победу торжества великих идей. Он искренне гордился, что был участником строительства светлого будущего всего человечества и жил в самой лучшей стране мира. Он любил свой народ и хотел, как Данко, вырвать своё сердце из груди и светить во тьме, показывая людям путь к счастью.

Счастье у каждого своё, но ещё есть общее счастье, за которое надо всегда бороться. Поэтому, когда вернулась из Москвы первая и вторая делегация советских немцев, стал вопрос о подготовке документов и комплектации достойных представителей третьей общественной делегации. Советское правительство немецкий вопрос решать не хотело и лишь после наездов делегатов поэтапно шло на уступки.

Руководитель инициативной группы Фридрих Шесслер предложил Вилли возглавлять третью делегацию советских немцев. Делегаты должны были побывать в Кремле на приёме у Микояна и ещё раз озадачить его своими проблемами о восстановлении поволжской республики, о спасении культуры затёртого народа. Делегация должна продолжить начатое дело и довести дело до торжества поставленных задач.

Для начала надо было на местах растормошить, расшевелить, подготовить затюканных людей, составить вопросы, собрать просьбы, народные требования ясно изложить письмом правительству, рассказать о самой трагичной нации Союза – советских немцах.

Советские немцы активно вели созидательную работу земледельцев, учёных, педагогов, сталеваров, горняков. Они были в почёте у других народов, но их было ничтожно мало в числе замеченных и награждённых советской властью. Идеологией, политикой, где литература, средства массовой информации и культура были зажаты рамками хронической цензуры, они были забиты, запуганы, унижены, их оскорбляли за других немцев, за тех, кого они совсем не знали, за тех, которые изнасиловали и разгромили Россию.

Советские немцы безвинно страдали за других, за своё Отечество, за родину своих предков, за свою нацию. В годы войны Сталин и его окружение воспитали ненависть всех народов СССР к русским немцам. Их официально называли пособниками немецко-фашистских захватчиков. Кроме того, ещё не был изжит бесправный синдром немецких колонистов, как инородцев, как иностранцев в Советском Союзе, как чужаков.

Новое поколение советских немцев не хотело мириться с таким положением и поднималось на борьбу за свои права, за права человека. Но в этой борьбе была ещё внутренняя борьба и междоусобная конкуренция. Были высказывания против назначения Вилли руководителем делегации, они напирали на его молодость, горячность, на честный, принципиальный, бескомпромиссный, советский, прямолинейный характер, а на переговорах утверждали они, что надо быть хитрым лисом и гибким дипломатом, чтоб поэтапно решать свой вопрос.

Вилли был многоуважаемым человеком, работал в межрайонной газете в Таласе – на родине Чингиза Айтматова, и не раз с ним встречался. Однажды ему позвонил первый секретарь промышленного райкома партии и пригласил к себе на ковёр. Приём прошёл на высоте. Вилли был немец по происхождению, педантичный, аккуратный, раб слова и чести. Просьбу начальника Вилли выполнил за одну ночь. Написал шефу-заочнику курсовую работу для высшей партийной школы. За что начальнику поставили пятёрку и перевели на новую работу с повышением на должность мэра Пржевальска. Аксёнов по-человечески отблагодарил Вилли, перетащив его за собой на новое место и поручив командовать советской культурой. Но Вилли болел всем сердцем ещё и за немецкую культуру, и за свой любимый народ. Он очень хотел послужить этому делу. И тут надо было рисковать – включиться в опасную борьбу и ехать в Москву, в Кремль, искать правду.

27 июня 1967 года из Алма-Аты в дом культуры Пржевальска, который возглавлял Вилли, пришла долгожданная телеграмма. Но почему же это свои люди как будто по чужому указу, по наводке органов, специально открытым текстом написали: «Приём 28. Если сможете, вылетайте». Это значило, что третья делегация советских немцев должна ехать в Москву.

О телеграмме сразу узнали все, а не только местные государственные органы и работники культуры. Вилли срочно собрался вылетать в Москву. Взял билет, сложил вещи, документы, списки, писчую бумагу, деньги и вышел на улицу. Он решил добраться до аэропорта троллейбусом. И вдруг к остановке с шиком подкатила чёрная Волга. Из неё вышли двое незнакомых мужчин крепкого телосложения и подошли к лидеру третьей делегации.

– Здравсьте, Василь Васильевич! – вежливо поздоровались они. – Вы торопитесь в аэропорт, но троллейбуса ещё нет, и вы можете опоздать на рейс до Москвы. Давайте-ка мы вас с ветерком прокатим, а то самолёт улетит без Вас!

– Не! Не! Не! – испугался Вилли. – Я не привык с ветерком. И вообще я на таких лимузинах не езжу.

– Ничего. С нами вам будет лучше! – уверенно парировал незнакомец.

Они схватили его под руки и подвели к машине. Вилли сразу почувствовал их силу и не смог оказать даже малейшего сопротивления. Машина рванула с места и скрылась за поворотом.

«Аэропорт в другую сторону», – пронеслось в мозгу пленника. Но, зажатый, как в тисках, с двух сторон, Вилли молча сидел на заднем сиденье, боясь открыть рот. Работая в газете, он знал, что серьёзные дела делаются тихо. А это значит, что для всех он может просто оказаться без вести пропавшим.

Итак, из Фрунзе, откуда после экзаменов он намеревался лететь в Москву, вместо аэропорта его привезли в Токмак, почти за 100 километров от столицы Киргизии, в какую-то неприметную гостиницу, завели на второй этаж. Незнакомцы вытащили из кармана ключ, открыли номер и сказали:

– Ну вот. Тут вы должны прожить неделю. Понятно? Вот вам графин с водой. Радио на стене. Газеты купите внизу, в киоске. Там же есть столовая и буфет. Туалет – на улице. Из дома никуда не выходить. Никому не звонить. Ни с кем не разговаривать, ну и так далее! Соображаете? Мы скоро вернёмся!

– Кто вы? – спросил Вилли.

– Мы – из комитета! – выстрелом прозвучал их ответ.

Они сели в машину и исчезли.

Когда Вилли остался один, его хватил мандраж, начало трясти. Казалось, будто только что прошёл по тонкому льду через большую и страшную опасность. Хорошо, что его не обыскали и не отобрали балетку, – думал он, – а то бы сразу увезли за ежовую проволоку.

Печатная машинка – копировальная, множительная техника в те времена считались идеологическим оружием. У каждой машинки был свой почерк и номерной знак. Её надо было регистрировать в милиции, иметь специальное разрешение, работать только в помещении, имеющем решётки на окнах и закрытую на ключ дверь, а на ночь её надо было прятать в несгораемый шкаф с крепким замком, печатывать и делать соответствующую запись в специальном журнале. Печатную машинку никому нельзя было передавать для пользования и строго запрещалось размножать сомнительные бумаги религиозного, антинародного и антисоветского содержания. Таковы были государственные требования.

А по спискам немецких делегатов можно было свободно начать уголовное дело по разоблачению новой антисоветской организации и устроить шумный образцово-показательный народный суд над предателями. Так в одно мгновение можно было превратиться из примерного гражданина и патриота в ненавистного врага народа.

Холодный пот выступил по всему телу. Вилли дрожащими руками быстро открыл чемоданчик, вытащил списки всех членов третьей делегации советских немцев, которые должны были лететь в Москву.

Дело в том, что Андрей Мазер, живший во Фрунзе, передал ему балетку с деньгами (200 рублей) на билеты, портативную печатную машинку и списки делегатов буквально перед отправкой в аэропорт. И потому Вилли, конечно, не успел ознакомиться со списком.

Читать их в гостинице было уже некогда и опасно – вдруг подполковники вернутся. Он сунул списки за пазуху и побежал в уборную. Закрывшись изнутри, принялся быстро рвать документы на мелкие кусочки и бросать их в дырку, вырезанную в полу. Когда все бумаги были уничтожены, кто-то снаружи рванул дверь на себя. Крючок звякнул, крякнул, но выдержал.

«Они!» – испугался Вилли. Сквозь щели было видно, что стучал незнакомый, хорошо подвыпивший мужичёк. Выругавшись и смачно сплюнув, он завернул за угол и ушёл восвояси. Вилли, привёл себя в порядок и, глянув вниз, оценил работу. Важные бумаги были бесследно уничтожены. Вторым заходом он утопил машинку, больше улик не было.

Когда он вернулся в номер, его трясло от нервного напряжения, никак не мог успокоиться. Выпил стакан воды. Включил радио, чтобы отвлечься, но никак не мог придти в себя: смысл слов не доходил до сознания, мысли в голове кружились и жужжали как пчелиный рой. Он выключил радио и упал в кровать. Его колотило. Он встал и начал, как загнанный зверь, нервно ходить по комнате из угла в

угол. Ходил и думал, прорабатывал варианты, линию поведения, причину провала. Долгий день – словно маленький год, и он в нём пропал без вести – ушёл в себя.

Вскоре без стука в номер вошли подполковники в приподнятом настроении.

– Так. Откуда? Куда? Зачем? И почему вы хотели лететь в Москву именно на этом самолёте? – грубо начал первый подполковник.

– Скажите, пожалуйста, Василь Васильевич! Кто включён в состав третьей немецкой делегации? – вежливо спросил второй.

– Не знаю! – попробовал отпираться Вилли.

– Вы должны это знать, раз вы обязаны были её возглавить! – давил второй.

– Давайте сверим эту ситуацию с прежней: список состава со снимком первой делегации был опубликован только после того, как прошла встреча с Микояном. Видимо на сей раз всё это повторится по той же схеме.

– Ладно. Куда вы должны были явиться по прибытии в Москву? – спросил первый.

– Никуда.

Вилли вспомнил кино про разведчиков и шпионов и начал фантазировать: – Ну, хорошо! Я скажу. Мне надо было доехать до метро «Измайловский парк», выйти наверх и сесть на свободную скамейку с газетой «Правда» в руках. Ко мне должен был подойти кто-то из наших.

Перекрестный расспрос продолжался долго. Силы были на исходе и нервы тоже.

На другой день подполковники приехали мрачные, в дурном настроении.

– Что вы нам голову морочите! – начали они с порога.

– Какой Измайловский парк? Какая скамейка. Там же их очень много, а парк огромный, – взялись вдвоём громко давить на психику упрянца.

День прошёл как в бреду. Ведь Вилли всю ночь не спал, обдумывая варианты ответов, а они продолжали напирать. И тут он не выдержал, вскипел и пошёл в атаку.

– Представьте, что ваши люди там, в Москве, впустую бродили по Измайловскому парку только потому, что на одной из скамеек сидел не я, а другой, подставленный вами человек. Поэтому к нему никто из наших и не подошёл. А теперь послушайте, что я вам скажу. Вот мой партбилет! Вот паспорт! Я гражданин СССР! И закон не нарушал. За что вы меня тут держите? Почему не пускаете в Москву? Я же не за границу еду, а в нашу столицу! Комендатуру давно отменили, указ правительства снял с немцев все обвинения. За что вы меня задержали? Мало ли какие у меня там дела! Я свободный человек, куда хочу, туда еду! Это что, по-вашему, преступление? – горячился Вилли.

Вилли заочно учился на отделении работников печати Высшей партийной школы при ЦК КПСС и знал наизусть многие работы Ленина по национальному вопросу, поэтому легко резал цитатами и козырял знаниями, так что подполковники вскоре лишились всяких аргументов.

– Если Вы мне не верите, то нечего меня тут допрашивать: зачем надо было меня сюда везти? Только недавно вышел указ о реабилитации советских немцев, а вы меня опять без суда и следствия подвергаете репрессиям! Объясните мне, наконец: за что вы меня задержали? Или Указ правительства – пустая бумажка?

В следующий визит подполковники извинялись и просили Вилли никому не рассказывать о задержании. А чтобы не привлекать внимание любопытных соратников и не придавать инцидент общественной огласке, они привезли свою версию ответа-небылицы коллегам Мунтаниола о его приключении.

Это было объяснительное письмо для соратников Вилли. В нём сообщалось, что он не улетел из Фрунзе в Москву, потому что не смог достать билет на самолёт, из-за чего стал громко возмущаться у кассы аэрофлота и нарушать общественный порядок, за что был задержан сотрудниками милиции. Потом он, якобы, поехал на автобусе в Алма-Ату и попытался оттуда улететь в Москву, но тоже не получилось, и тогда он вернулся назад, в Прежевальск.

Вилли долго упорствовал, но под прессом подполковников, облечённых властью, ему всё же пришлось под диктовку написать туфту и подписать этот документ. Но, как профессиональный газетчик, он составил письмо так, что друзья непременно должны были разгадать этот ребус, выполненный под давлением кагебистов.

Только через 40 лет, уже здесь, в Германии, пропавшему тогда без вести Вилли удалось узнать, что 28 июня 1967 года в Москву был послан дублёр Мунтаниола с партбилетом, школьный преподаватель немецкого языка столицы Киргизии Константин Эмих. Из Алма-Аты в столицу поехали Мария Штайнбах, Иоган Варкентин, Мария Фогель и Отто Гертель. Но делегация свою задачу не выполнила. Кремль никого не принял.

По возвращении в Пржевальск, с Вилли серьёзно поговорил специальный уполномоченный, прикомандированный туда для постоянной слежки за ним. За участие в немецком движении горком намеревался исключить его из партии, но ограничился тем, что взял с него подписку о прекращении борьбы за автономию советских немцев. Знакомый мэр города помнил добро и не отдал жертву «волкам» на растерзание.

У власти существовал фильтр: за одни и те же дела одних наказывали, других выводили в люди, они жили в достатке, были вхожи в высший свет, но не вошли в историю, а вляпались в неё. Вилли в историю вошёл!

Позже он снова вошёл в движение, раскрутил дело в Актюбинске, был участником Чрезвычайного немецкого съезда, переселился в Германию, не примкнул здесь, на родине предков, к разным течениям околонемецкости, не приблизился к лжепророкам, остался верен народу, себе и делу. О своей жизни и о судьбах российских немцев написал толстую интересную книгу «Ты виноват уж тем, что немец».

Он по-прежнему убежден, что Власть России обязана покаяться перед Богом, извиниться перед нашим немецким народом за злодеяния большевизма: за незаконную ликвидацию автономии немцев Поволжья, за геноцид, где в кровавых сталинских концлагерях погублены наши деды, отцы, матери, старшие братья и сёстры, за издевательский комендатурский режим с дикими запретами для немцев учиться родному языку, жить в городах, иметь высшее образование. Немцы всегда были нужны России, как молчаливые бесправные рабы. Когда в 1990 годах в стране разгорелось национальное движение российских немцев за восстановление Немецкой автономии, жители Поволжья, подогретые шовинистами номенклатуры, готовы были принять немцев в качестве рабов, но категорически отказали им вернуть АССР НП.

Недавно в России торжественно отмечалось 65-летие Победы над фашизмом. Пригласили всех и поздравили тоже всех. Единственные, кого забыли поздравить президент РФ вместе с премьером, – это российские немцы, трудармейцы; хотя одиннадцать российских немцев были удостоены звания Героя Советского Союза.

Сегодня правительство России не прочь вернуть наших трудолюбивых земляков в города и сёлы своего государства. Но вместе с тем там теперь и слышать не хотят о реабилитации российских немцев.

Папа Шульц. Гиссен.

PS: . Посвящается борцу за права человека, за равноправие советских немцев, Вилли Мунтаниолу в связи с его восьмидесятилетием 23.02.1931.

ПОЗДРАВИТЬ ЮБИЛЯРА и заказать у автора книгу с автографом можно по электронной почте Willi Muntaniol <willi@muntaniol.de>

Райнгольд Шульц.